



Десять лет отделяют нас от того дня, когда выпускник Свердловского театрального училища Виктор Черноскутов переступил порог этого театра. Известно: училище не готовит актеров для коллективов подобного профиля. Так что приглашение Виктора в театр оперетты было своего рода риском и экспериментом. Но экспериментом, имеющим под собой почву: руководители театра видели студента Черноскутова в дипломных спектаклях. Исполнитель настолько легко и свободно чувствовал себя в стихии водевиля, был так убедителен и органичен в самых невероятных ситуациях пьесы, что это и решило его судьбу.

Первое время Виктору приходилось довольствоваться ролями эпизодического плана. Они служили ступеньками овладения секретами мастерства, актерского ансамбля, постижения особенностей театра музыкального, синтетического.

Уже в оперетте Т. Хренникова «Белая ночь» в роли матерого монархиста Шеннера, умело скрывающего свое подлинное лицо, проявилась способность Черноскутова быть значительным на сцене, подавать своего героя так, чтобы в нем ясно ощущалась его человеческая суть. Минимальный драматургический материал не ограничивал исполнителя, напротив, давал простор для творческой фантазии, умело направляемой режиссером.

Но если Шеннер, образ которого решен в основном средствами драматического театра, стоял, так сказать, где-то на периферии жанра, то роль Мажордома в «Табачном капитане», которую Виктор получил два года спустя, — тоже, кстати, типичный эпизод, — была рождена жанром и стала большой актерской удачей В. Черноскутова. Целиком придуманная режиссером В. Курочкиным, она нашла своего достойного исполнителя в молодом, тогда еще начинающем актере. Мажордом открывает сцену у маркизы де Курси и служит ее

Черноскутова, как князь Мориц Драгомир Популеску в «Марице», начальник королевской охраны в «Бременских музыкантах», Ахилл в «Прекрасной Елене»... Все эти персонажи, несмотря на несхожесть характеров, едины в одном: глубоко убеждены в собственной непогрешимости, упиваются своей значительностью и важностью. И это несоответствие желаемого и действительного создает замечательный комический эффект, подкрепленный видимым отношением исполнителя к своему персонажу.

Вспомните сцену из «Прекрасной Елены». Плутон, выведенный из себя тупостью Ахилла, бросает ему: «Ты никогда не умрешь... Дураки — не мамонты, они не вымирают». Стража хохочет, и только В. Черноскутов намеренно отодвигает во времени реакцию своего героя. И когда, кажется, все уже забыли о реплике Плутона, Ахилл—Черноскутов, сосредоточенно глядя в зал, задумчиво произносит: «Да, но при чем же здесь мамонты?!», вызывая взрыв смеха у зрителей.

Несмотря на яркий комизм, гротеск, гиперболу, персонажи Черноскутова — живые люди, они узнаваемы, — будь

Есть у Черноскутова и положительные герои: полковник Пикеринг («Моя прекрасная леди»), Егорушка («Дарю тебе любовь»), Генрих Шульц («Девушка с голубыми глазами»), Федя-художник («Гори, гори, моя звезда»).... В любой из этих образов актер привносит свой, особый мир чувств и поступков. Обаяние личности этих героев ощущает каждый сидящий в зале. Исполнение Виктором Черноскутовым роли полковника Пикеринга все рецензенты отнесли к большой удаче спектакля, называя имя молодого актера рядом с именами таких мастеров, как М. Виск, В. Валента, В. Пименов, В. Евдокимова. Особо отмечались точно найденная пластика, чувство меры во всем, большая внутренняя значительность.

Роль Генриха Шульца В. Черноскутов сыграл после такого выдающегося мастера жанра, как А. Маренич. И вышел победителем на смотре творческой молодежи. Успех был закономерен. Актер наделил своего героя чертами характера современного молодого человека, приходящего к определенным убеждениям через активное восприятие жизни. И так всегда: что бы ни играл В. Черноскутов, с каким бы партнером «в параллель» ни делал роль, его герой всегда имеет собственное лицо.

Когда на сцене Виктор Черноскутов, между зрительным залом и сценой неизменно устанавливается контакт, атмосфера взаимопонимания и доверия. Наверное, этому помогает и навык активной работы актера на эстраде. Вместе с Раисом Галымовым они составляют своеобразную комедийную пару ведущих, хорошо знакомую зрителям Свердловска и области, а также тех городов, где театр бывал на гастролях...

Листая страницы старых рецензий, видишь, как рос актер, как приходило признание. 1969 год: критики признают за юным исполнителем способность чувствовать смешное и умение заставить смеяться. 1970 год: Черноскутова называют ищущим, думающим актером. 1973 год: его имя уверенно называется рядом с мастерами жанра, отмечается умение использовать оружие смеха в эпизоде и большой роли. 1977 год: большой успех на гастролях в Москве вместе с остальными актерами театра, добрые слова в «Правде», «Труде»...

Несмотря на солидный стаж работы, — уже десять лет! — Виктор Черноскутов еще очень молод: только-только за тридцать. Судьба его поистине складывается счастливо: все годы в одном театре, с одним режиссером, мастером, наставником, рядом — актеры, у которых есть чему поучиться, в репертуаре — более тридцати ролей, награды на смотрах, любовь публики... И верится, что у Виктора не закружится голова от успеха, что и впредь будет неуклонно развиваться его дарование, мудреть, обогащаться новыми красками. Ведь актерский успех прежде всего — обязывает.

И. ГЛАЗЫРИНА.

На снимке: актер Виктор Черноскутов.

Фото В. Долганина.

Творческий портрет

ОБАЯНИЕ ИРОНИИ

Среди имен молодых актеров Свердловского театра музыкальной комедии имя Виктора Черноскутова занимает одно из первых мест. Некоторым больше нравятся его ярко комедийные персонажи, другим — лирико-комедийные. Но в оценке творчества Черноскутова те и другие сходятся на одном: встреча с его героями всегда интересна.

своеобразным эпиграфом, смысловым ключиком, с помощью которого постановщик разоблачает мир пустоты и бездушия внешне блестящего общества.

Начиная с этой работы, которая явилась вехой в творческой биографии актера, о В. Черноскутове заговорили как об интересном исполнителе, успешно овладевающим секретами жанра.

Шло время. Виктор пробоval себя в ролях разноплановых, не схожих одна с другой, что позволило ему искать и постепенно находить свое, особое. В связи с этим особо хочется сказать о его Ронсе Воляпюке («Сильва») и Володе Красовском («Будет завтра!»), где особенно ярко проявилась та черта творческой индивидуальности актера, которую впоследствии критики определяют как «обаяние тонкой иронии». Недаром в одной из рецензий (журнал «Театр», 1972 год) его Красовский был отмечен как «источник всех иронических решений спектакля». Именно в этом исполнителе режиссер нашел богатое качество: умение, оставаясь в образе персонажа, достаточно ярко проявить собственное, актерское отношение к нему.

Ронс и Красовский открыли путь к успеху таких «героев

то отделенный от нас веками Ахиллес или тупой, кичливый солдафон Ронс Воляпюк, или самонадеянный, чванливый хам Популеску. Умение обрисовать героя буквально одним-двумя штрихами, сделать персонаж понятным зрителю, позволяет говорить о Черноскутове как о складывающемся мастере комедийного характера.

Тонкая, скрытая насмешка, ирония, свойственная исполнителю, помогает ему точно и четко работать в жанре комедии. С таким метким комедийным прицелом сделаны его ревнивец Тартю («С первым апреля!»), невозмутимый Джереми-Джон («Мой друг Бенбери»), трусоватый советник Кромон («Веселая вдова»), нелепый доктор Пуччи («Купите пропуск в рай»). А стражник! Их Виктору приходилось играть чаще других. Одна из первых ролей — сказочный стражник в «Короле на четверку с минусом». Как веселились маленькие зрители, глядя на его нелепую фигуру! Потом был одноглазый стражник в «Девичьем переполохе», которого без конца дурачил Бесомыка. Наконец, — начальник королевской охраны в «Бременских музыкантах», сыгранный с тонким ощущением стихии иронической сказки, — тупой, жадный и трусливый.